

А. И. Мигунов
СООТНОШЕНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ И
АРГУМЕНТАТИВНЫХ АСПЕКТОВ ДИСКУРСА

Дан краткий обзор основных точек зрения на соотношение риторики и аргументации, имеющих в основном в литературе по аргументации. Дана критика точки зрения, согласно которой риторика есть искусство убеждения. Автор полагает, что важнейшей функцией риторики является ее эпистемическая функция, и рассматривает риторiku и аргументацию как два необходимых аспекта дискурса. Это две формы обоснования. Задача риторического обоснования – рождение определенной мысли, задача аргументативного обоснования – сделать эту мысль приемлемой для слушателя.

The short review of the basic points of view on a parity of rhetoric and the argumentation, available mainly in the literature on the argumentation, is given. The criticism of the point of view according to which the rhetoric is persuasion art is given. The author believes that the major function of rhetoric is epistemic function, and considers rhetoric and the argumentation as two necessary aspects of a discourse. These are two forms of reasoning (substantiation). The goal of the rhetorical substantiation is production of certain thought, unlike the goal of the argumentative justification is to make this thought acceptable to the listener.

Ключевые слова: аргументация, коммуникация, риторика.

Keywords: argumentation, communication, rhetoric

Вопрос, который стоит в центре внимания: как соотносятся риторика и аргументация как составляющие дискурса, а, следовательно, и как соотносятся риторический и аргументативный подходы к исследованию дискурса. Другими словами, как соотносятся ри-

торика как область знания и область знания, которую я называю аргументологией, подразумевая под этим не прикладные сведения об эффективных приемах аргументации, а, скорее, систему теоретических рассуждений о рациональном аспекте аргументативного дискурса. При этом, говоря об аргументационном содержании дискурса, я имею в виду не только специфический вид деятельности, субъект которой строит свою речь, руководствуясь ясно осознаваемой задачей убедить другого субъекта речи, но аргументативный аспект любой формы речи, который мы обнаруживаем в силу аргументативной природы речи как таковой.

Всякая речь, и прежде всего, обращенная к другому, является продуктом риторического усилия, поскольку сообщает что-то, кому-то, о чем-то, и аргументативного усилия, поскольку, если прямо и не говорится, то неявно предполагается, что сказанное должно быть принято и для этого у другого субъекта речи (слушателя) должны быть основания. И отсылка к этим основаниям, когда явная, когда нет, всегда присутствует.

Положение, которое я попытаюсь обосновать в предлагаемом тексте или, по крайней мере, раскрыть более пространно, состоит в следующем:

1. Широко распространенное толкование риторики как формы убеждающей речи или как искусства красноречия уместно только в том случае, если мы толкуем это понятие предельно широко, как искусство членораздельной речи вообще, и упоминаем эти функции риторики наряду с другими, не сводим к этим функциям сущность риторики.

2. В современных работах по аргументации преобладает толкование риторики в соответствии с тем аргументативным ее определением, которой дал еще Аристотель. Нынче в результате произошедших с этой областью знаний за прошедшие два с лишним

тысячелетия метаморфоз, такое понимание риторики уже не может быть принято. Ее собственной функцией является не красноречие, не убеждение; суть риторики в том, что она является искусством рождения мысли, ее собственная сущность демонстрируется в ее эпистемической функции, благодаря риторике истина бытия сказывается.

3. Все собственно риторические средства служат для того, чтобы сказать, т.е. сделать известным смыслы сущего для носителя языка, включая говорящего. Когда мы выделяем коммуникативный аспект сказывания, т.е., когда речь идет о сказывании для другого, то в этом случае можно вести речь о риторической форме обоснования, когда посредством речи и в речи формируются основания для рождения в разуме слушателя определенной мысли. Аргументативная составляющая речи направлена на то, чтобы дать основания для согласия с этой мыслью, которая рождается риторическим усилением разума. Эти две составляющие речи могут быть отдельными предметами интереса исследователя или озабоченности говорящего, но не могут быть изолированы друг от друга в самой речи.

1.

В античной философии вопроса о соотношении риторики и аргументации не могло возникнуть, поскольку убеждающую речь как предмет познания делили между собой риторика и диалектика. При этом, что и та и другая рассматривались как знание о формах убеждающей речи, как знание о приемах аргументации. Как не раз замечает Аристотель: «Риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та, и другая не есть наука о каком-нибудь определенном предмете, о том, какова его природа, но обе они лишь методы для нахождения доказательств» [3, с.20]. Диалектика – искусство ведения диалектической беседы, т.е., логиче-

ски упорядоченного обучающего или исследовательского доказательного разговора по существу вещей, в ходе которого стороны продвигаются к совместному постижению истины. Основным средством доказательства в диалектике является диалектический силлогизм, в основе которого лежит, прежде всего, искусство вопрошания, умелое задавание вопросов. Риторика – искусство убеждающей речи, обращенной к публике. Ее основными формами являются риторический силлогизм и пример. Она не столько доказывает, сколько убеждает, поскольку посылки опираются на предполагаемое оратором мнение публики.

Формирование в греческой культуре риторики как искусства убеждающей речи, выведение на первый план именно этой ее функции в значительной степени стимулировалось политической ситуацией, становлением первых, античных форм демократии.

Подлинная демократия – не просто власть большинства, а власть аргументов, которые разделяет большинство. Значит, институционально должны присутствовать те, кто эти аргументы требует и может их критически оценить – оппоненты власти, оппозиция. Рядом с конкуренцией силы встает конкуренция рациональных аргументов и, следовательно, призыв к рациональному публичному анализу точек зрения и проблем, лежащих в основаниях разногласий. Здесь присутствует обращение к разуму, универсальным нормам, а не к большинству, считающему излишним, а может быть, и не безопасным для приемлемости их точки зрения аргументировать свою позицию. Слово становится элементом дискуссии, диалога, ориентированного на публику, и поэтому превращается в инструмент политики, орудие политической власти. Нет жрецов истины, которые бы владели ею безапелляционно, по своему положению; истина оказывается предметом торга, публичного рассмотрения, судеб-

го разбирательства. А это ведет, как пишет Ж.-П. Вернан, к тому, что «возникает необходимость составления речей, имеющих четко отточенную форму антистетических доказательств. Таким образом устанавливается тесная связь и взаимозависимость между политической и логосом (словом). ... Логос с самого начала осознает себя, свои правила, свою эффективность через политическую функцию» [7, с. 69]. Гражданин тот, кто имеет право голоса в обсуждении государственных дел и обладает качествами, которые позволяют этим правом эффективно воспользоваться. А это предполагает выполнение определенных условий как относящихся к организации общества, так и относящихся к формированию гражданина. В число последних входит обучение умению аргументировано излагать свою точку зрения. Появляются риторические школы, как элементы становящегося гражданского общества. Обучение искусству поиска истины и искусству убеждать другого в приемлемости твоей истины оказывается в центре греческой культуры. Как заметил С.С. Аверинцев в центре греческой культуры — «две силы, пребывающие в постоянном конфликте, но и контакте, в противостоянии, но и взаимной соотнесенности: воспитание мысли и воспитание слова - философия, ищущая истины, и риторика, ищущая убедительности» [1, с. 146]. Этот конфликт не мог не получить своего отражения в соответствующих философских концепциях.

Сведение риторики к искусству убеждающей речи, обращенной к публике, получило мощное философское обоснование у софистов. Как утверждает Горгий, даже если предположить, что бытие существует, и, даже, что оно познаваемо, то никак нельзя не согласиться с тем, что оно не выразимо в слове. Истина бытия не может быть сказана и потому несогласное с бытием слово обретает автономию относительно бытия. Онтологическая независимость слова, лишая его кор-

респондентной, референциальной определенности, превращает его в носителя веры, мнения, а, следовательно, превращает его в средство внушения. В таком случае искусство слова, риторика в принципе не может быть средством постижения истины, и потому становится искусством убеждения; не истина (aletheia) присутствует в слове, но мнение (doxa). *Истинно лишь то, что можно убедительно доказать.* Мнение, если оно доказано, и есть истина. Более того, истина лишь то, что доказано здесь и теперь, применительно к данным обстоятельствам.

Но если исходить из того, что слово не согласно с бытием, то есть истина не постижима, то слово получает свободу убедительно излагать как истину, так и ложь. В риторике софистов истина исчезает и потому любой невиновный может быть осужден, а виновный оправдан, поскольку его виновность или невиновность определяются искусностью ратора. Суд не место установления истины, а ристалище мастеров слова.

Это не может принять Платон, а, следовательно, и независимую от истины риторику софистов. Платон боролся с риторикой софистов, исходя из того, что она основана на тезисе невозможности истины, из чего они и выводили свое право игнорировать то положение, согласно которому нечто может быть убедительным лишь в силу того, что оно истинно. Так как раз считал Аристотель: истина убедительна сама по себе, она не требует риторических прикрас, то есть, убеждает не речь, а истина, присутствующая в слове. Хотя, конечно, риторика полезна, но лишь в том смысле, что позволяет честному и благорасположенному оратору, если он владеет истиной, утвердить ее для публики. «Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения выносятся не должным образом, то истина и справедливость обычно бывают побеждены своими

противоположностями, что достойно порицания» [3, с. 17]. Так что, излагая истину публике, полезно использовать риторические средства убеждения. Похоже, что для Аристотеля истина не рождается и не открывается в слове, а предшествует ему. Что выберет оратор, истину или ложь, зависит от его нравственной позиции.

О нравственной ответственности оратора говорил и Горгий: великая сила слова в его способности убеждения, равного принуждению силой. Убежденный кем-то все равно, что силою принужденный, не виновник, а страдалец [См.: 8]. Поэтому отстаивать истину и справедливость нравственная обязанность оратора. Но в этом случае нравственность оказывается ситуативной, как и истина. Это напоминает позицию Шопенгауэра, выраженную в его «Эристической диалектике»: если ты убежден в своей правоте, то доказывай, не стесняясь в выборе средств; в этом случае любые уловки допустимы.

Риторика, не имея отношения к истине, все сказываемое делает правдоподобным. Но, как заметил Ф. Бэкон, зло несет не риторика, а злоупотребление ею. «Поэтому Платон был в высшей степени неправ (хотя причиной этого было вполне заслуженное негодование против риториков его времени), когда отнес риторике к развлекательным искусствам, говоря, что она подобна поварскому искусству, которое также много портит полезной пищи, как много вредной делает съедобной благодаря применению всякого рода приправ и специй» [6, с. 335-336].

Риторические средства, т.о., нацелены на убеждение, на то, чтобы создать вербальные условия, провоцирующие слушателя к согласию, поверить в сказанное, принять сказанное и совершить соответствующее действие. В этом контексте риторические фигуры превращаются из средства сказывания истины бытия в средство убеждения и, возможно, обмана.

В античной риторике не было четкого разделения между приемами аргументации и риторическими фигурами. Например, антитеза как риторическая фигура, средство стилистического украшения речи не разделялась ясным образом с противоположением, как приемом аргументации от противного. При толковании одних и тех же риторических фигур выделялись разные их аспекты. Так, противоположение толковалось то как стилистический прием, фигура слова, то как фигура, формирующая новый смысл, фигура мысли, то как аргументативный прием [см.: 15]. Автор трактата *Ad Herenium* считал противоположение фигурой слова. Квинтилиан же склонен был толковать эту фигуру речи как прием аргументации, справедливо сетуя на то, что нет ясности даже у Цицерона относительно перечня фигур речи, различения фигур мысли и фигур слова, не говоря уж об остальных авторах. Перечисление фигур речи (в котором, кстати, противоположение упоминается как одна из фигур, придающая речи изящество) в трактате «*Об ораторе*» Цицерон заканчивает словами: «Вот приблизительно каковы приемы, - а их может быть и еще больше! (курсив мой - А.М.) - украшающие речь мыслями и словесными оборотами» [12, с. 247]. Хотя, уже у Анаксимена (ритора школы Исократ) мы читаем, что «антитеза содержит либо одновременно и словесную, и смысловую противоположность, либо одну словесную, либо одну только смысловую» [2, с. 183]. Действительно, один и тот же, казалось бы, речевой оборот в одном случае может выступать как фигура слова, в другом - как фигура мысли, в зависимости от контекста, способа его употребления в данной речи. Но точно также, один и тот же речевой оборот может быть и фигурой речи, и приемом аргументации. Ведь аргументация, поскольку она представлена в языке, становится речевым феноменом с определенной стилистической ха-

рактикой. Некоторый речевой оборот может выполнять аргументативную функцию, в силу своего определенного положения в структуре дискурсивного действия, и в то же время обладать стилистической определенностью, быть элементом прекрасной речи, что придает речи дополнительную убедительность. Прав Цицерон, когда говорит, что диалоги Платона убедительны, прежде всего, потому, что истинны; но не только, а еще и потому, что прекрасны. Эстетический восторг, порождаемый речью, способствует согласию с ее содержанием. Но, мы можем сказать, что это уже работает как аргумент от *ethos*'а, поскольку убеждает не в силу доказательности, а в силу того, что вызывает симпатию к себе, а, следовательно, доверие. Но, поскольку красноречие воздействует на чувства слушателя, например судьи, то это действие можно отнести и к аргументам от *pathos*'а. И вполне могло быть истолковано как род взятки, которая дается судье. Ведь предупреждал же Аристотель: ««Не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться» [3, с. 16]

Впрочем, красота может быть убедительным аргументом и как элемент *ethos*'а, и как элемент *logos*'а. Так, например, красота обнаженной Фрины, заставила судей вынести оправдательный приговор: ее божественная красота была убедительна сама по себе, а кроме того оказалась достаточным основанием не считать святотатством ее сравнение с богиней Афродитой.

2.

В современных исследованиях по аргументации, когда речь заходит о соотношении риторики и аргументации (диалектики), риторика традиционно толкуется, прежде всего, как убеждающая речь, более того, предлагается вести речь уже о новой риторике, начало

которой связывают с работой Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки «Новая риторика. Трактат по аргументации». Но Перельман, не ставил перед собой задачи исследования риторики, ее природы, его цель состояла в том, чтобы систематизировать средства обоснования, используемые в реальной речи, естественном языке, и выяснить их специфику и отношение к логике. Когда же, завершив свой труд, они с соавтором задумались над тем, как назвать их работу, то выбор был между риторикой и диалектикой, в ее античном толковании. К сожалению, наиболее подходящий термин «диалектика» после Гегеля и Маркса был уже занят совсем другим смыслом. Пришлось взять имя «риторика» [См.: 17]. При этом Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека уточняют в названии своей работы, что это *новая* риторика или, еще точнее, трактат по аргументации. Очевидно, что Перельман продолжает традицию, согласно которой основная функция риторики – убеждение.

Мишель Лефф (Michael Leff) [16], предпринявший специальное исследование с целью установить как понималось различие между риторикой и диалектикой авторами, формировавшими это знание от античности до наших дней, приходит к выводу, что никакой ясной определенности в толковании соотношения, функций, структуры этих искусств не существовало. Можно выявить лишь преобладающие тенденции в понимании их особенностей, которые он свел к 4 пунктам.

1. Риторика имеет дело, прежде всего, с конкретными проблемами. Задача ритора – убедить слушателя применительно к тем конкретным обстоятельствам, той конкретной ситуации, в которых они находятся здесь и сейчас, т.е., найти наиболее эффективные средства убеждения применительно к данному случаю. Более того, риторика имеет тенденцию вписы-

вать аргументацию в социальный контекст. Диалектика же имеет дело с абстрактными проблемами.

2. Второе различие имеет отношение к способу, которым упорядочиваются суждения этих двух искусств. Это различие он иллюстрирует, сравнивая *Топику* Аристотеля с его *Риторикой*: В *Топике* в центре внимания находятся термины суждения, отношения между ними. Таким образом, темы разделены на категории определения, рода, собственного и привнесенного признака, и поэтому диалектическое обоснование требует знаний теории предикабиллий. *Риторика* не требует такого знания, так как само суждение служит атомарной единицей аргументации и в риторическом анализе не разделяется на термины. Диалектика имеет дело с аргументами от *logos'a* и игнорирует характер оратора (*ethos*) или чувства аудитории (*pathos*). Кроме того, диалектика кажется рационально автономной, потому она строится согласно своим собственным процедурным нормам, в то время как риторика должна учитывать особенности аудитории. И поскольку задача риторики - убеждение, а убеждение, в конечном счете - вопрос прагматического эффекта, у риторики может быть только внешний критерий рациональности - удалось или нет, и если удалось, то в какой степени убедить аудиторию. Поэтому нормы риторики сильно зависят от аудитории.

3. У ратора нет собеседника, он обращается к публике, не имея возможности задавать вопросы для уточнения аргументов. Поэтому его основным средством обоснования являются энтимемы. В то время как в диалектическом искусстве главным является искусство задавать вопросы.

4. Ну и, наконец, поскольку ритор обращается к публике, успешность его речи, а, следовательно, и выбор средств зависят от публики, то его речь нуждается в привлекательности, и, следовательно, украшает-

ся. В то время как диалектика использует неукрашенный, технический язык.

Такое разграничение риторики и диалектики вызвало справедливые возражения представителей прагма-диалектической школы аргументации. Во-первых, утверждают представители этой школы, предложенные критерии совершенно не работают применительно к диалектике, как она представлена в рамках прагма-диалектики [См.:18]. Поскольку то, что Мишель Лефф указывает в качестве отличительных характеристик риторики, в прагма-диалектике рассматривают как особенности именно прагма-диалектической аргументации.

Ф. ван Еемерен, один из основателей и поныне ведущих исследователей прагма-диалектического направления, предлагает следующую картину взаимодействия риторики и аргументации. Для него риторика это другой, противостоящий диалектике подход к представлению аргументации. Если диалектический взгляд на аргументацию видит основную ее задачу в совместном разрешении сомнений сторон и сближении их позиций, то главной целью риторической аргументации является убеждение слушателя. Он полагает, что в реальных процессах аргументации всегда присутствуют обе эти стороны. И он включает риторический подход в прагма-диалектическую теорию аргументации, формируя концепцию «стратегического маневрирования». Дело в том, что в процессе реального разрешения спора происходит взаимодействие риторической и диалектической сторон аргументации. Стороны стремятся к достижению риторических целей, и достижению диалектической цели, На каждом этапе процесса разрешения спора стороны могут стремиться к осуществлению поставленных ими риторических задач, т.е. убедить своего партнера по дискуссии, или переключаться на диалектический уровень об-

суждения, т.е. стремиться к совместному разрешению разногласий через сближение позиций. Стратегическое маневрирование направлено на минимизацию внутреннего конфликта между одновременным преследованием диалектических и риторических целей, на сбалансирование действий критического обмена аргументативными ходами и действий, направленных на реализацию стремления убедить своего оппонента, т.е., стремиться к соблюдению равновесия между диалектическими и риторическими задачами аргументации, между диалектическими и риторическими ее средствами. Причем, в этом балансировании, как подчеркивает другая исследователь, работающая в рамках этой школы, ван Рис (van Rees), на первом месте стоит диалектическая задача: «...если Вы аргументируете, то Вы прежде всего стремитесь к рациональному решению спора (диалектически), но решая эту задачу аргументации Вы должны приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, чтобы добиться решения в Вашу пользу (риторически)» [18, р. 259].

Риторический аспект аргументации проявляется в стратегических попытках эффективно направить процесс решения к принятию собственного положения. При этом эффективное убеждение должно дисциплинироваться диалектической рациональностью и даже убедительные риторические приемы должны отбрасываться, если они нерациональны [13, р. 297]. И все же стратегическое маневрирование направлено на то, чтобы выполняя свои диалектические обязательства, не жертвовать своими риторическими целями. Т.е., используя возможности, предоставляемые диалектической ситуацией, направлять дискурс риторическими средствами в направлении, которое лучше всего соответствует твоим интересам [13, р. 295]. При этом, на разных этапах дискуссии можно применять соответствующие риторические фигуры не только для за-

поминающегося представления аргументации, но и непосредственно с целью усиления аргументативного воздействия, поскольку некоторые фигуры речи, такие как фигура умолчания, риторический вопрос, уступка и т.п., могут выполнять аргументативные функции, попадая в соответствующий контекст диалектического рассуждения.

Выделяя диалогический характер аргументации, адепты прагма-диалектики подчеркивают, что речь вовсе не идет о том, что всякая аргументационная речь представляет собой диалог в чистом виде. Дело в том, что любая форма аргументации предполагает субъектно-субъектное взаимодействие, а значит диалогична по сути. Т.е., диалектика в их представлении не сводится к одной из форм речевого диалога, а является основой речевого взаимодействия вообще.

Совсем по-другому выглядит механизм взаимодействия риторики и аргументации у В.Н. Брюшинкина [См. 5]. В его концепции аргументация сама по себе не является деятельностью общения, хотя она и предназначена для дальнейшего использования в общении (коммуникации). Аргументация есть последовательность *умственных* действий субъекта, имеющих целью изменение убеждений другого субъекта. А осуществление аргументации уже дело риторики, которая имеет дело с реальным адресатом убеждения и использует соответствующие вербальные средства, преобразуя умственные действия в речевые. Между «аргументаторикой» и риторикой разделены сферы ответственности: первая формирует модели аргументации, на основе моделирования системы представлений субъекта, адресата аргументации, и построения модели-проекта процедуры аргументации; вторая отвечает за презентацию, вербальное оформление, реализацию в речи полученной модели аргументации. Основания для такого представления взаимодействия этих обла-

стей знания вполне можно усмотреть уже в античных учениях о риторике и диалектике. Предлагаемая В.Н. Брюшинкиным концепция обладает, безусловно, эвристическим потенциалом и позволяет обнаружить новые аспекты и механизмы аргументации.

На мой взгляд, важные идеи в связи с разговором о соотношении риторики и аргументации высказывает Николас Решер. Суть его позиции состоит в следующем. Решер тоже говорит о риторике как искусстве убедительного изложения, но она не сводима к этой характеристике. Он говорит, что риторю доступны такие диалектические шаги, которые не доступны рассуждающему аргументатору. Аргументатор должен опираясь на отношение следования выводить свой тезис из других суждений. Ритор не ограничен в средствах обоснования приемлемости суждения логическими основаниями, он может сослаться, например, на источник, из которого получена содержащаяся в утверждаемом положении информация. Тот факт, что суждение получено из надежного источника, может оказаться достаточным для принятия суждения, и без демонстрации логической связи этого суждения с другими, т.е. поиск логических оснований не требуется. Толковать риторику как искусство убедительной речи, согласно Н. Решеру, означало бы давать ей слишком широкое толкование, поскольку логически выстроенное доказательство стало бы в таком случае тоже продуктом риторического искусства. Нельзя, также, вслед за Аристотелем сводить риторику к энтимематическому рассуждению. Это было бы слишком узким пониманием. *Н. Решер предлагает определять риторику как способ убеждения, не предполагающий использование отношения следования.* Из такого толкования риторики следует, что мы можем делать какие-либо утверждения, не имея на то, казалось бы, каких-либо рациональных оснований. Рациональный взгляд на эту ситуацию

предполагает, что такие основания всегда должны быть, в качестве таковых выступают другие суждения, из которых следует утверждаемое. Т.е., нельзя вывести что-то из ничего. Получается либо дурная бесконечность, либо, в конце концов, мы должны брать в качестве основания посылки, принимаемые нами в силу их фактологичности или конвенциональности. Либо опираться на посылки, приемлемость которых сомнительна, т.е. не обоснована. Риторика же, как раз и является средством обоснования таких исходных посылок. При этом ритор не ссылается на ранее принятые соглашения, предметы веры или факты. Он, используя средства риторики, сам формирует у слушателя эти исходные мнения и приемлемые положения. Рациональная диалектика не может обойтись без риторики. И речь должна идти не о том, используется или нет риторика в рациональной аргументации, а о том в какой степени она используется [19, р. 316-317]. Т.о., по мнению Н. Решера риторика прерывает дурную бесконечность предпосылочного доказательства, поскольку берет на себя ответственность за исходные суждения, истинность которых обосновывается не ссылкой на другие утверждения, а риторическими средствами, благодаря тому, что риторика обладает силой непосредственного сказывания истины, которая узнается нашим разумом как безусловно приемлемое утверждение, порождающее согласие в силу внутренне присутствующих ему качеств. Риторические средства языка позволяют убеждать без ссылок на отношение следования.

Однако в большинстве работ, написанных теоретиками аргументации, присутствует один общий недостаток толкования риторики: функции риторики, в конечном итоге, сводятся к убеждению и красноречию. За бортом исследовательского внимания осталась ее фундаментальная функция, выражающая ее собственную природу, а именно, ее эпистемическая

функция¹, которая демонстрирует риторику как средство рождения мысли, сказывания смысла, постижения истины.

3.

К сожалению, «риторика» исключительно неопределенный термин. И понятно почему. Риторика как она формировалась в античности, понималась как искусство устной речи, обращенной к публике, и носила синкретический характер. В ней была значительная часть того, что сейчас в качестве самостоятельных дисциплин имеет своим предметом изучение языка и речи в многообразии ее форм. Осознание каждой из этих дисциплин своей определенности, казалось бы, лишало этой определенности риторику. Все эти дисциплины вышли из риторики, более того, сами породили свои собственные подразделы, которые уже претендуют на самостоятельное существование как отдельные дисциплины со своим специфическим предметом. Но одновременно с этим, возрождается интерес к риторике. И на этом фоне идет поиск ответа на вопрос: что же такое *современная* риторика? Однако всякое серьезное исследование риторики, даже если речь идет о ее «сегодняшнем» состоянии, не может не опираться на определенное понимание ее природы.

Что осталось в риторике после того, как от нее отпочковались аргументация, поэтика, и пр.? Исчерпывают ли эти дисциплины то, что можно было бы назвать областью фундаментального, предметно-формирующего интереса риторического знания? Возможно, предметная область риторики разошлась по этим дисциплинам без остатка и, значит, всякое упоминание о риторике в наше время влечет нас либо в

---

¹ Обстоятельный анализ эпистемической функции риторики на основе идей М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера проделан в работе: Hyde, Michael J. and Smith, Craig R.(1979) [13].

одну из современных дисциплин, вышедших из нее, либо в далекое прошлое, когда все эти дисциплины еще не осознавали определенность своего предмета, не отличали себя друг от друга, были одним, и имя этого одного – риторика. Может быть и сегодня, говоря о риторике, мы выделяем под этим именем комплекс дисциплин, объединяемых своим интересом к различным аспектам речевого поведения человека? В этом случае нам надо определить основной вопрос риторического интереса, вокруг поиска ответа на который, и в процессе поиска ответа на который возникали и получали самостоятельное развитие новые дисциплины. Дисциплины, без участия которых современная риторика не может исследовать свой предмет, но которые, беря на себя некоторые специфические аспекты риторического исследования, не только не лишили риторику своего предмета, а способствовали его прояснению и формированию.

Уже упоминалась позиция Горгия, согласно которой, даже если познание бытия возможно, то определенно его нельзя выразить в слове, нельзя сообщить. Однако все, о чем нельзя сказать, все, что не выразимо в слове, что не поддается рассказыванию, то не познаваемо. Невозможность сказать и означает непознаваемость, которая преодолевается сказыванием. Основная функция риторики в том и состоит, чтобы сделать сказанным, сделать известным значения и смыслы сущего.

Риторика всегда была искусством рождения мысли, которая рождается и воспроизводится словом. Мысль, чтобы быть и чтобы обладать определенностью, должна обрести определенную форму, на основании которой она узнается, то есть должна быть высказана. Все, что есть, есть в какой-то форме. И эта форма позволяет нам узреть и узнать сущее. Формой, которая позволяет узреть и узнать мысль, является слово. Форма сказывания определяет что́ сказано. Но при

этом, как известно, отдельное слово в естественном языке не обладает определенным смыслом, смысл рождается в тексте. Именно поэтому нельзя перевести слова, но можно перевести текст, упорядоченный, «орнаментализированный» набор слов. Этот порядок, эта аранжировка рациональна, поскольку является условием рождения определенной мысли, но эта рациональность не сводима к логическому порядку. Риторика как искусство слова есть, по сути, искусство рождения мысли. Ибо слово есть там, где есть мысль, рождаемая словом. Фигура речи рождает определенный смысл, которого без этой формы слова не будет, смысл, который одновременно выражает суть предмета речи.

Вещь должна сказаться в языке, открыться своим смыслом, который она обретает лишь в пространстве человеческого бытия и открывает, сказываясь в речи. Мы должны ее рассказать, раскрыть в речи. Понять, т.е., обнаружить вещь разумом, означает рассказать ее. Причем, ключ к пониманию и поиску этой реальности дает порядок речи. Сама реальность оказывается познаваемой через порядок речи, поскольку через слово обнаруживается смысл, который открывает эту вещь нашему разуму. Метафора, любая риторическая фигура является средством рождения мысли. Как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, «дав толчок развитию мысли, метафора угасает. Она орудие, а не продукт научного поиска. Точно так же и в практической речи, дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается и в конце концов утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (значение слова)» [4, с. 15], поэтому «спор о выборе метафоры — это спор об истинной сущности предмета» [4, с. 27-28]. Больше чем двести лет назад эту мысль высказал Новалис: «Поэзия на деле есть абсолютно-реальное... Чем больше поэзии, тем ближе к действительности» [9, с.

121]. Поэтические средства языка позволяют нашему разуму проникать в суть вещей.

Мир для нас опосредован словом, непосредственным же источником смысла является не познаваемый нами мир, а язык; возможность рождения этого смысла формируется в языке еще до того как соответствующий ему фрагмент реальности будет зафиксирован познающим человеком. Сама реальность лишена смысла, смысл порождается в языке, когда мы пытаемся в своем рассуждении рассказать мир, т.е. разумом своим пытаемся его обнаружить.

Указать на вещь другому разуму я так же могу только через слово, в котором для моего разумного собеседника откроется смысл, позволяющий его разуму «увидеть» эту вещь. «Сделать известным» и «сделать сказанным» – два аспекта одного и того же.

Природа мысли межсубъектна, поскольку мысль рождается в языке, сказывается. Язык средство постижения, узнавания истины, т.е. средство ее сообщения. Сказывание является средством сообщения истины или, что то же самое, средством ее обнаружения, рождения. Но сообщить мысль можно лишь тем, кто сам свои мысли формирует с помощью того же средства, т.е., кто является носителем того же языка. Чтобы можно было сообщить, следует черпать средства формирования мысли из одного общего для собеседников лингвистического, культурного резервуара. Человек как продукт, носитель и субъект воспроизводства определенной культуры причастен к этому резервуару, который воспроизводится, в том числе, и его речью, в котором содержится лингвистический опыт узнавания, как некое пред-знание, которое демонстрирует себя в акте интерпретации смыслов сущего отдельным человеком. Мысль, чтобы стать моей, должна быть нашей. Это означает, что в языке, который является носителем нашего разума, уже должны быть основа-

ния для рождения этой мысли. Определенность мысли производна от языка, посредством которого мой разум воспроизводит себя. При этом язык, в котором я мыслю, диктует не только форму существования этой мысли, но и ее содержание. Если в языке нет возможности сказать нечто, никто об этом не узнает: о том, что сказать нельзя, и о том, что об этом сказать нельзя. Риторика и есть то искусство, которое позволяет из имеющегося резервуара извлечь именно то, что позволит сказать суть познаваемого предмета. В акте риторического действия смыслы сущего сообщаются, т.е., становятся известными говорящему и его слушателям.

Эпистемическая и коммуникативная функции языка не существуют друг без друга, это два аспекта одной способности. Рождение мысли, и сообщение мысли – один и тот же акт. Но сказывание для себя и сказывание для другого это два вида сказывания, т.е. постижения смысла. Так же как, обосновывая некоторое положение для другого, я должен исходить не просто из своих знаний предметной области, а из своих знаний его знаний предметной области, так же и для того, чтобы сказать другому, я должен сказать это на его языке. Эта межсубъектная область, в которой формируется понимание, формирует и критерии рациональности, включая риторические. Высказывание некоторой мысли о реальности требует риторической изощренности. Чтобы содержательная *чтойность* нашей речи случилась для нас и для нашего собеседника, мы должны владеть знанием того, *как* это сказать, во-первых, и *как это сказать для него*, во-вторых.

Итак, фигура речи – это один из механизмов рождения нового смысла. Но фигура речи имеет место, лишь тогда, когда этот смысл рождается в разуме слушателя, поскольку задача состоит в том, чтобы благодаря усилиям говорящего эта мысль родилась для слушателя. Если это происходит, то риторическая фи-

гура имела место. Иначе говоря, чтобы риторическая фигура случилась недостаточно авторских усилий оратора или писателя, необходимо соавторское усилие слушателя или читателя. Риторическая фигура должна случиться для слушателя, чтобы в его разуме родилась определенная мысль, для рождения которой эта фигура выступает лишь средством.

Прежде чем обосновывать приемлемость моего утверждения для другого, я должен создать у него основания для рождения этой мысли в его сознании, основания ее узнавания, основания ее сказывания на языке моего собеседника и для собеседника. Если Н. Решер пишет, что ритор, в отличие от аргументатора, может сказать, благодаря риторическим средствам, убедительно без ссылок на основания, из которых сказанное следует, то для меня важно, что ритор, и в этом его сущностная определенность, может сказать, т.е., сделать мысль высказанной, известной слушателю. А сделать ее приемлемой, должен уже аргументатор, в том числе и с помощью речевых приемов, не сводимых к логическому отношению следования. Как остроумно заметила Н.Д. Арутюнова: «Метафора – это приговор без судебного разбирательства, вывод без мотивировки» [4, с. 28]. А вот «судебное разбирательство» это уже дело аргументации.

Другими словами, важно различать две формы обоснования²: форму риторического обоснования (когда сказываемое помещается в поле достаточных оснований для формирования определенного смысла), то есть форму рождения определенного смысла для другого; и форму аргументативного обоснования, то есть, форму обоснования приемлемости для другого человека положения, смысл которого в его разуме рождается как отклик на усилия говорящего. С помощью риторической фигуры говорящий не обосновывает мысль, а со-

---

² Подробнее об этом см.: Мигунов А.И. [10]

общает ее. Но сообщить мысль можно только в том случае, если для рождения этой мысли в разуме слушающего есть основания³. И говорящий должен об этих основаниях позаботиться. Ведь я только тогда могу сказать, что акт общения состоялся, когда усвоение субъективного значения обеспечено. Для этого, необходимо, чтобы собеседники были друг для друга, безусловно, разумными, риторически компетентными субъектами общения.

Риторика заведует средствами семантического обоснования, то есть, средствами порождения адекватного смысла для другого. *Риторически правильной* является речь, которая способствует сохранению смысла сказанного для слушателя.

Ясно, что говорящий должен быть озабочен как созданием оснований для определенного (согласующегося с его собственным) *понимания* слушателем сказанного, так и созданием для слушателя оснований (содержательных и/или логических) для *согласия* с этим смыслом, как приемлемым. Другими словами, он должен умело оперировать как риторическими, так и аргументативными формами обоснования.

В чем разница между ошибками аргументации и ошибками риторическими?

В аргументации мы называем ошибочными такие приемы рассуждения, которые кажутся валидными, но на самом деле таковыми не являются. При этом, логическая валидность не является здесь достаточным критерием. В естественно-языковом дискурсе мы признаем правильными такие рассуждения, к которым логический критерий не применим. Но главное здесь то, что это ошибки рассуждения, т.е., такой последова-

---

³ Строго говоря, мысль нельзя просто сообщить. Ее можно сообщить только в том случае, если слушатель стремится ее понять, услышать и имеет достаточные основания для рождения этой мысли своим разумом.

тельности суждений, которое упорядочено отношением следования.

В основе риторических ошибок лежит не ущербность формы следования, а ущербность, неэффективность фигуры речи. Концепция риторических ошибок еще ожидает своих авторов. Главное в том, что их природа иная. Риторическая ошибка, допущенная говорящим, приводит к тому, что мысль, рождаемая в результате его речи у слушателя, существенно отличается от той, которую посредством этой речи рождает для себя говорящий.

Риторика, исследуя фигуры речи, обнаруживает необходимую связь формы речи с высказыванием истины [См.: 11]. В риторических исследованиях центральной является проблема выражения истины в слове, как форма речи определяет видение истины. И речь здесь идет не об истинности высказываний, критериями которой являются факт и логическая форма, и не об истине, лежащей за пределами человеческой мысли и слова, а об истине, которая за пределами слова невозможна, которая только в слове есть, которая определяет осмысленность речи и предмета речи. Риторика формирует для субъекта речи (т.е., для слушателя и говорящего) семантически полноценные единицы речи, в которых осуществляется эвристический синтез воспроизводимого в языке интеллектуального опыта. В этих семантических единицах речи наш разум узнает и принимает обнаруживаемую речевыми средствами истину бытия как элемент своей собственной картины мира. Или узнает и не принимает. Или не узнает.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в

- культуре Возрождения: Сб. ст. /Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1984.
2. Античные теории языка и стиля. СПб, 1996.
  3. *Аристотель*. Риторика // Античные риторики. М., 1972.
  4. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
  5. *Брюшинкин В.Н.* Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход. Калининград, 2010
  6. *Бэкон Ф.* Соч. в двух томах. Т.1. М., 1977.
  7. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
  8. *Горгий*. Похвала Елене // Ораторы Греции. – Состав. М.Л. Гаспаров. – М., 1985.
  9. Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934.
  10. *Мигунов А.И.* О единстве аргументативных и риторических форм обоснования // Модели рассуждения-2. Аргументация и рациональность. Сб. научных статей. Ред. В.Н. Брюшинкин. РГУ им. И.Канта, 2008.
  11. *Мигунов А.И.* О риторическом контексте проблемы истины // Логико-философские штудии. СПб, 2001.
  12. *Цицерон*. Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве М., 1972.
  13. *Eemeren Frans H. van and Houtlosser Peter*. Rhetorical Analysis Within a Pragma-Dialectical. The Case of R. J. Reynolds // *Argumentation*(2000), vol. 14.
  14. *Hyde Michael J. and Craig Smith R.* Hermeneutics and rhetoric: A seen but unobserved relationship // *Quarterly Journal of Speech*, (1979) 65: 4.
  15. *Kraus Manfred*. From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric // *Argumentation* (2007), vol. 21.

16. *Leff Michael*. Rhetoric and Dialectic in the Twenty-First Century // *Argumentation* (2000), vol. 14.
17. *Perelman Ch.* Logic and Rhetoric // *Modern Logic - a Survey*. (Synthese library; v. 149) D.Reidel Publishing Company, 1981.
18. *Rees van M.A.* Comments on 'Rhetoric and Dialectic in the Twenty-First Century' // *Argumentation* (2000), vol.14.
19. *Rescher N.* The Role of Rhetoric in Rational Argumentation // *Argumentation* (1998), vol. 12.

Об авторе

Мигунов Анатолий Иванович - канд. филос. наук, доцент кафедры логики философского факультета СПбГУ.

About the Author

Anatoliy I. Migunov - candidate in science, Docent of Logic Department, Faculty of Philosophy, St. Petersburg University